

Недавно вышла из печати новая книга известного вологодского писателя Александра Александровича Цыганова «Помяни моё слово». Название книги – народная поговорка, на первый взгляд довольно простая. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Фёдорова значение этого выражения так объясняется: ‘будет так, как я говорю, предполагаю, думаю; выражение употребляется для того, чтобы уверить собеседника в правоте своих слов, предположений, мыслей’ [8: 427]. В словаре определено основное значение поговорки, однако в живой речи её смысл может всё время меняться. Наши предположения и мысли о будущих событиях бывают как радостные, так и печальные. Да и говорят эту фразу люди по-разному: или с любовью, или, наоборот, со злостью, или с отчаянием, или с надеждой. Соответственно смысл и значение этого выражения будет значительно изменяться в разных житейских ситуациях. Если прочитать книгу А.А. Цыганова да задуматься над тем, о чём же она, то её название окажется вовсе не простым, а очень многозначительным и глубоким. Действительно, выражение «Помяни моё слово» встречается в этой книге несколько раз: в названии всей книги, в названии второго раздела этой книги, в названии рассказа и, наконец, в живой речи героев этого рассказа, старой матери и сына. Для них оно – знак родства, знак их возвращающейся из небытия общей жизни. Таким образом, данное выражение для автора книги очень дорого и является ключевым для всего повествования. Почему? Размышляя над книгой, я пришла к выводу: в этом названии книги, как и во всём её содержании, выражена глубокая мысль о том, что **прошлое, настоящее и будущее едины, неразрывны в сознании и памяти народа, в его языке, в его слове**. Русский народ это чувствует сердцем. Характерная для языка рассказов и повестей А.А. Цыганова насыщенность народными пословицами, присловьями и поговорками также утверждает эту идею бессмертия народной жизни и его духа, выраженного в своём собственном самородном слове. Автор книги сокровенно передаёт нам, читателям, это единое житие русского народа, умирающего и вновь воскресающего, вопреки всем невзгодам. Неслучайно Василий Иванович Белов обратил особое внимание на слова старой крестьянки – героини рассказа «Помяни моё слово», сказанные с блаженной радостью после перенесённых ею потрясений: «*Подико снова надо жить, раз такое дело*» [2: 5].

Подобное самочувствие русского народа нашло отражение в письме Ф.М. Достоевского, лично меня поразившем. Оно было написано 22 декабря 1849 года в Петропавловской крепости после того, как писатель пережил публичное объявление ему и другим петрашевцам смертного приговора, после подготовки к казни и неожиданной отмены этого приговора и затем – нового приговора к сибирской каторге. Молодой Ф.М. Достоевский нашёл в себе силы в этот же день написать брату: «*Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им всегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не упасть – вот в чём жизнь, в чём задача её*» [3]. Эти мужественные слова нашли отклик в душе Игоря Цыплакова, главного героя повести «Вологодский конвой», после всех испытаний в первые дни работы воспитателем в колонии строгого режима. Кульминацией тяжёлых событий стал пожар в библиотеке, где он несколько дней назад увидел бюст Достоевского и взял для чтения его «Дневник писателя». Чудом минуя смертельную опасность, Игорь спасает бюст писателя из пламени. Этот поступок у одних вызывает негодование, у других – усмешку непонимания, и только некоторые свидетели улавливают символический смысл его рискованного поступка [9: 340]. У Достоевского Игорь Цыплаков нашёл эти особые слова, что дают человеку силы жить и надеяться даже в самом бедственном положении.

Молодой неопытный воспитатель отряда преступников в колонии строгого режима, подавленный вначале тяжестью тюремного бытия, обнаружил в «Дневнике писателя» и такое обнадеживающее его размышление: *«У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся, но есть, необходимо, и жизнь, вновь складывающаяся на новых уже началах. Кто их подметит и кто укажет? Кто может определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания?»* [9: 328].

Представление о жизни у православных людей очень широко, а писатель А.А. Цыганов – человек православный. В христианском понимании жизнь человека не заканчивается могилой, после смерти начинается новая жизнь в мире духовном: *«У Бога все живы»*. В вечно живой душе человека всегда ощущается эта невидимая связь с Богом. Поэтому своих героев А.А. Цыганов всегда изображает одновременно в земном и духовном видении. Это проявляется в самом сюжете его произведений (например, в таких, как «Защитник Отечества», «Три свечи», «После дороги», «Под сосною, под зелёною», «Помяни моё слово», «Вологодский конвой»), которые только на поверхностный взгляд кажутся фантастическими и мистическими. Я думаю, это вешнее сердце автора видит своих героев и все события, случающиеся с ними, в едином поле пророческого зрения. Критик В.Н. Бараков отмечает: *«Его мистицизм – не мистицизм вовсе, просто автор, погружаясь в глубины реальной действительности, творчески познаёт её. Если Рубцов слышал «печальные звуки, которых не слышит никто», то Цыганов оком художника видит печальные картины, сокрытые от простого «житейского» взгляда»* [1: 372]. Но и простой «житейский» взгляд обычного читателя нередко начинает несмело проникать вслед за писателем в тайну бытия, но сразу не может переступить грань нового для него, непривычного художественного восприятия, поэтому и задаёт вопросы (мне лично их задавали): *«Что это было? Фантазии автора? Или это и на самом деле бывает в жизни?»* На эти вопросы я бы ответила так: да, так бывает на самом деле. Только мы часто этого не замечаем, потому что не хотим и боимся заметить. Нас отвлекает суета сует. Именно поэтому мы становимся читателями А.А. Цыганова не сразу, а постепенно – по мере того, как мы учимся внимать своему сердцу и через его око смотреть на жизнь и познавать людей, о которых идёт речь в его произведениях.

Только человек, мужественно прошедший испытание болью и несчастьем, воспринимающий жизнь не только разумом, но и душой и сердцем, способен не испугаться и приблизиться с сочувствием к чужому горю, искренне разделить чужую беду. К сожалению, многим современным писателям такое сочувствие незнакомо. Их нередко увлекает занимательный сюжет и спасительная ирония, от которой не болит сердце. Но не таков стиль произведений А.А. Цыганова. Он откровенно страдает вместе со своими героями, вместе с ними совершает мужественные поступки или ошибается, расплывается за эти ошибки душевной болью. Его герои во время беды, войны или душевной смуты проявляют невероятную волю к жизни и духовное мужество, чтобы снова жить. И, конечно, все они никогда не теряют надежды. Неслучайно А.А. Цыганов поставил эпиграфом к первой части повести «Вологодский конвой» слова из упомянутого выше письма Ф.И. Достоевского: *«Брат! Клянись тебе, что я не потеряю надежду и сохранию дух мой и сердце в чистоте»* [9: 321]. Сохранить дух и сердце в чистоте наставляла Игоря Цыплакова, главного героя этой повести, его мать, когда узнала, что его направляют работать воспитателем заключённых в колонию строгого режима. Её материнское сердце чувствовало, какие жестокие испытания ждут сына. Советы матери нашли выражение в народных пословицах: *«С совестью не разминуться. ... А добрая совесть – глаз Божий. Ясны очи»* [9: 339].

Эта мысль, по-разному выраженная в сюжетах и судьбах героев, звучит во всех рассказах и повестях книги А.А. Цыганова. Обратимся к наиболее запомнившимся образам из его произведений. Главная черта характера его героев, собственно русская черта, – это духовная сила терпения. Именно духовная сила. Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысел, поэтому святые люди – самые терпеливые. Терпению учит тяжёлый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство – поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, *«любовь долготерпит, ... все переносит»*. Кто прошёл одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А по Евангелию, *«претерпевший до конца – спасётся»*.

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: *«Терпение – дом души, смирение – её пища»* [6: 400]. Значит, нетерпеливая душа – бездомна, а лишённая сми-

рения – всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом всё равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа всё равно будет голодна! Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращён к правде жизни, к её высшему смыслу. Характеры и судьбы героев рассказов и повестей А.А. Цыганова с художественной очевидностью показывают нам, как человек благодаря терпению достигает духовной силы. И с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения.

Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» – бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая *«с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше»* [9: 278]. Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские слова (*месяц пёк, кирилловская трёхрядка, отводок, дювья, баской*) и топонимы родного для А.А. Цыганова Кирилловского района (*Славянка, Иткольское*). Вместе с тем это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя её или *она*, или *одинокая женщина в белом одеянии*. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план – это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию... Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для её дома, и для всей этой деревни ... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

Однако кроме тревожного настоящего и предполагаемого гибельного будущего в сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берётся решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне последние полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Да, вряд ли можно рассказать о сокровенном житии русской деревни чужому человеку!.. А вот писатель А.А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель – свой родной человек, который поймёт его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо прожить её или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя *крестьянин* произошло от слова *христианин*). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Её терпение и молитва победили послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал *хозяином* – так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить её дом. Она твёрдо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне дольше городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять – тогда-то и наступили тёмные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа – *последняя* хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не хочется верить, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души – терпение, то тем самым сохранит и Россию – наш общий дом. А пока с каждым днём деревня сиротеет всё более и более.

Печальная тема трагического сиротства и бездомности современной северной деревни звучит во многих рассказах писателя. Обратимся к рассказу со странным названием «*Ерпыль*». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор даёт ему народную оценку: *«Ерпыль – так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру»*. Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло своё выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов *терпение* и *терпеть* кроме основных значений есть и другие

положительные оценочные значения: *терпеливый* – значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», *терпеть* – значит «сохраняться, не портиться». Но *терпеть* ещё значит и «страдать, мучиться», поэтому от этого слова образовались слова *терпеливец* и *терпеливица* – это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда*, *сулема* и др.), вот и *ерпыль* имеет однокоренные с ним слова *ерпеза*, *ерпеса*, *ерпесило*. Все они имеют пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал *ерпыль*, потрясает. Если библейский блудный сын всё-таки нашёл силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стылой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: *«Перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где ужасаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдаемого по обычн-му, никогда неизбывному участию, нашему теплу»* [9: 265].

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке *терпеливый* значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно об этих смыслах терпения повествует третий рассказ А.А. Цыганова «Под сосною, под зелёною». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который *«готов сидеть день-деньской»* в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко *«в своей пустой однокомнатной панельке»*. Он не пьёт вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: *«Слышь, разведка? Ещё не всех врагов повязал? Колись, боец!»* [9: 121]. Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает своё человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом. И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: *«Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло»* [9: 127]. Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, – на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его *«славиной родительской тесёмкой от нательного креста»*. *«И тут всё, что осталось в Славе, ходуном заходило: как-то это было совсем уж не по-русски – последний бой проигрывать»*... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: *«И Слава-разведка, недвижимый, продолжал смотреть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой яблочной земле, – к себе, в долгожданный покой и отдых»* [9: 134].

При внимательном чтении этого рассказа обнаруживается, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное – это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжёлых и опасных обстоятельствах: *«Терпение мужественным и непобедимым делает человека. Может терпеливый лишён быть всего, ... может убиен быть, но победим быть не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует»* [7: 137].

В творениях святителя Тихона Задонского звучит гимн терпению: *«О! блажени те дома, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены»* [7: 1039]. В рассказах А.А. Цыганова тоже звучит этот древний русский гимн.

Далее обратимся к рассказу Александра Цыганова «Садовник». Это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира. Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обы-

денности. В своё время Гёте кратко определил эту способность так: «Красота – в глазах смотрящего» [4: 62]. Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: «Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его». И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а «видим сквозь это сияние личности» [4: 66].

Писатели нередко болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н.А. Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно разучиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а любить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает писателям другой путь познания жизни: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить» [4: 59].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них – Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство. Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя – это его **духовный реализм**. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым – в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым – в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите», В. Распутиным в рассказе «Наташа».

На первый взгляд, рассказ «Садовник» – это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А.А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы. Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходят главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придаёт повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально по фамилии и роду занятий: «Горелов – сторож в кандейке» (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: «Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы не стрижены, вдобавок ещё всё старое на нём надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловредную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплаты быстро закукуешь. Но это ещё ладно, платите хоть вовремя и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?» [9: 234]. Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чёрствых и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова бомжом, тронутым, дворником-лентяем, гадом. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: «пьяница какой-нибудь или с ума человек сошёл». В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему *молодой человек, милок*, не поняли его.

Холод царит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод царит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: «И что с того, если иногда возьмут да бомжом на улице обзовут, сорвётся с языка. Не на таких напали, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо – и те, что торгуют на каждом углу, и те, что

деньги у каждого встречного без зазрения совести морщат. Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было – откуда что и взялось?» [9: 234].

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство: он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкие бытовые приобретения. Автор повествует: «... ему давно хватало кружки горячего чая и куска хлеба. Там, где он проживал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера попеременно с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое домой идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись» [9: 231].

Герой А.А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, превозмогает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [4: 134]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёрке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполезный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: «Земляк, я такой же прохожий, как и ты». Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство – в глазах смотрящего» [4: 134]. Фраза «**Земляк, я такой же прохожий, как и ты**» выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: «На душе и без того худо. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодец без дна бросили» [9: 232]. Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому не нужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встречает на своём пути: утешает растревоженного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого безрассудного поступка. Особенно поражает милостыня, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: «Возле нового магазина в гирляндах цветных шариков и с надписью «Мы открылись!» снова оказалась тоскливая фигура в стёганом полосатом халате со склонённой головой и протянутой ладошкой – голой, потрескавшейся на морозе. Тогда Горелов, сжав зубы, выгреб остатки денег, на глазок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешёл на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полубомороженные женщины. Наверное, они давно уже ничего не думали» [9: 235-236]. Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодушные души и заставляют устыдиться своей чёрствости. Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестья, а потом – от смерти. Это юное существо погибало от страсти, типичной для современных школьников: «Ну, я вам устрою, – бездумно глядя глазами, полными слёз, на холодные киосковые стёкла, негодовала школьница. – Блин, прикольно: смартфон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потерпи немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы всё отдать, да только поздно будет!» [9: 236]. Горелов спасает бросившуюся под автомобиль девушку, но сам погибает...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства мира к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вовсе!» Смею возразить: такие люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу, накормить последним куском хлеба, отвратить от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертвования. И сейчас такие люди есть, так как наши современники – от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А.А. Цыганова пронизан евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милостивом самаритянине. И наконец, вспомним о *садовнике*. Так сам герой назвал себя, по какому-то

внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и таким образом уподобился Христу, которого в Евангелии символически называют *Господином виноградника* (Лк 20: 9-16), или *Садовником* (И 20:15-16).

А.А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света:

Но ещё раньше, успев всё-таки понять, что такое чужеродное сидело в нем, – Горелов уже точно знал, что́ станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтярно-блестящее с рёвом вышло из его нутра вон, спасительно освободив душу от непосильной маеты. А он сам тотчас прыгнул, оттолкнув от проезжей части вздрогнувшую школьницу прямо к самым деревьям, что тёплой порой не иначе, как самым настоящим райским садом и не обозвать из-за неизменно благоухающий, буйно-неукротимой зелени». ...

Горелов видел своё тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися сосульками красных волос. А следом нечто светлое подняло его уже неосязаемую светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто всё его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, невесомо уходя в запредельные невозвратные дали. Только уж если там, на земле, никто не хотел слышать – кто же теперь услышит оттуда – из света? [9: 240].

Последняя фраза выражает горькую истину – мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало.

В рассказе «Садовник», несмотря на его трагический конец, автор снова ясно выражает самую важную для него мысль о том, что есть в нашей современной жизни люди, которые «с совестью не разминувшись», не потеряли надежды и сохранили свой дух и сердце в чистоте. Поэтому вместе с писателем А.А. Цыгановым мы уверены: «Много дней впереди, много и позади. Но помрут и внуки наши, а конца этой песни не дождутся; и, вспомнив теперь всё происшедшее, передо мной будто бы на миг приоткрылось таинство изначальное, и зрятся сейчас – чтоб жить да молодеть, добреть да радоваться!» [9: 339].

ЛИТЕРАТУРА

Бараков В.Н. Река невидимого духа // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, – 371–373 с.

Белов В.И. На взлёте // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 5 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М.: Азбука-Классика. – 464 с.

Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: «Никея», 2017. – 192 с.

Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Издание Московского Данилова монастыря, 2006. – 1152 с.

Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Книга 1: Аскетические опыты / Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. – Москва: Лепта, 2001. – 865 с.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). – Москва: АОЗТ «Самшит», 1996. – 1180 с.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.

Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 374 с.